

В. М. ЖИРМУНСКИЙ

ГОТСКИЕ *ai*, *au* С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ
ГРАММАТИКИ И ФОНОЛОГИИ

Вопрос о фонетическом и фонологическом значении готских диграфов *ai*, *au*, обозначающих в орфографии Вульфилы различные по своему историческому (этимологическому) происхождению звуки, до сих пор остается предметом дискуссии, чрезвычайно поучительной для истории языкознания и продолжающей быть актуальной и в наши дни¹. Различия точек зрения в этом вопросе в ряде случаев довольно отчетливо отражают общие методологические позиции участников этой дискуссии.

Согласно «классической» точке зрения, восходящей к Я. Гримму², написания *ai*, *au* имеют у Вульфилы два значения. Там, где они соответствуют этимологически германским дифтонгам *ai*, *au*, они являются дифтонгами. Ср. гот. *haitan* «heissen» (дрвнем. *heißan*, дрисл. *heita*, агс. *hātan*, дрсакс. *hētan*); *augō* «Auge» (дрвнем. *ouga*, дрисл. *auga*, агс. *ēage*, дрсакс. *ōga*). В случаях так называемого готского «преломления» *ai*, *au* обозначают открытые краткие *e*, *o*, соответствующие герм. *i* — *e*, *u* перед согласными *r*, *h*. Ср. гот. *wairþan* «werden» (дрвнем. *werdan*, дрисл. *verða*, агс. *weorðan*, дрсакс. *werðan*; ср. лат. *vertere*); *faihu* «Vieh» (дрвнем. *fihu*, дрисл. *fē*, агс. *fēo*, дрсакс. *fehu*; ср. лат. *pecu*); *baurgs* «Burg» (дрвнем., дрсакс., агс. *burg*, дрисл. *borg*); *auhsa* «Ochse» (дрвнем., дрсакс. *ohso*, дрисл. *oze*, агс. *oxa*; ср. санскр. *ukṣā*).

Перед другими согласными готский имеет только узкие гласные *i*, *u* там, где западногерманские и скандинавские языки различают *e* — *i*, *o* — *u* в зависимости от открытого или закрытого характера последующего гласного. Ср. гот. *hilpan* — *hilpit*, дрвнем. *helfan* — *hilfit*; прошедш. мн. числа *hulprum* — причастие II *hulpan*s, дрвнем. *hulfum* — *giholfan*. Прочие возможные этимологические соответствия готских диграфов будут рассмотрены ниже (см. пп. 1—6).

Со времен Я. Гримма два фонетических значения гот. *ai*, *au* принято различать знаком ударения на первом или втором элементе: *ái*, *áu* — дифтонги, *aí*, *au* — открытые краткие гласные.

Против точки зрения Я. Гримма первым выступил В. Вейнгертнер³, отстаивавший употребление диграфов только в значении *e*, *o*, кратких — в случаях преломления, долгих — на месте старых дифтонгов, которые «во времена Вульфилы» уже подверглись стяжению. Свидетельство этого произношения В. Вейнгертнер справедливо усматривал в системе написания иноязычных (греческих) слов.

Возражения В. Вейнгертнера были, однако, на долгое время отведены Ф. Дитрихом⁴, опиравшимся на рассмотрение орфографии готских собст-

¹ В учебном пособии М. М. Гухман «Готский язык» (М., 1958, стр. 37—42) дается краткое резюме основных разногласий, причем сам автор присоединяется к дифтонгической теории.

² J. Grimm, Deutsche Grammatik, Tl. I, 2-e Ausg., Göttingen, 1822, стр. 43—48.

³ W. Weingärtner, Die Aussprache des Gothischen zur Zeit des Ulfilas, Leipzig, 1858, стр. 39—43.

⁴ F. Dietrich, Über die Aussprache des Gothischen während der Zeit seines Bestehens, Marburg, 1862.

венных имен в сочинениях латинских и греческих писателей, которая, по его мнению, свидетельствует в пользу дифтонгического произношения. Аналогичные по своей методике разыскания Ф. Вреде привели его к выводу, что стяжение дифтонгов *ái*, *ái* в восточногерманских языках относится к более позднему времени (VI в.)¹.

В дальнейшем традиционную точку зрения (с различными частными ограничениями) отстаивали почти все авторы учебных пособий по исторической и сравнительной грамматике готского языка: В. Штрейтберг (со ссылкой в более поздних изданиях своей готской грамматики на мелодические наблюдения Э. Сиверса, как известно, крайне произвольные и субъективные)², В. Брауне (и еще более последовательно редактор последних изданий его учебника проф. К. Хельм)³, В. Вильманс и Ф. Клуге, М. Еллинек и Е. Кикерс, а в новейшее время Г. Краэ и В. Краузе⁴. В специальных статьях ее защищали В. Пизани и Е. Зерт (последний в принципиально существенными оговорками)⁵. Н. С. Трубеткой, не пересматривая этимологических основ господствовавшей теории, пытался примирить ее с фонологией путем признания фонетической эквивалентности готских дифтонгов *ái*, *ái* открытыми долгими $\bar{e}$, $\bar{a}$ ⁶.

Сомнения в правильности этой «классической» теории по частным поводам высказывали уже В. Шерер, Г. Пауль, в особенности О. Бремер⁷, но наиболее последовательно новую точку зрения аргументировал и отстаивал Г. Хирт⁸. Как и В. Вейнгертнер, он исходил из фонетической однозначности орфографии Вульфилы, предполагающей стяжение старых германских дифтонгов в его диалекте. Полемизируя со своими предшественниками, он писал: «До сих пор учебные пособия (Брауне, Штрейтберг, Еллинек) подсказывают нам мысль, будто Вульфилла, составивший свой алфавит из трех других алфавитов, не был в состоянии различить в написании звуки *e* и *ai*»⁹. К точке зрения Г. Хирта присоединился К. Марстрандер, ее приняли Дж. Райт и Ф. Моссе в своих учебных пособиях по гот-

¹ F. Wrede, *Über die Sprache der Wandalen*, Strassburg, 1886, стр. 96—100; его же, *Über die Sprache der Ostgoten in Italien*, Strassburg, 1891, стр. 165—166; F. L. Staïm — M. Heune, *Ulfilas*, 13—14-e Aufl., hrsg. von F. Wrede, Paderborn, 1920, § 21 и сл.

² W. Streitberg, *Gotisches Elementarbuch*, § 34, 7—8 (сп. 5-е Aufl., Heidelberg, 1928, § 68 и сл.)¹

³ W. Braune, *Gotische Grammatik*, §§ 20—26 (сп. 13-е Aufl., bearb. von K. Helm, Halle, 1952, стр. 13—20).

⁴ W. Wilmanns, *Deutsche Grammatik*, Bd. I, 2-е Aufl., Strassburg, 1897, стр. 228 (сп. 3-е Aufl., 1911, стр. 243—245, 345—347); F. Kluge, *Die Elemente des Gotischen. Eine erste Einführung in die deutsche Sprachwissenschaft*, Strassburg, 1921, стр. 19—21; M. H. Jellinek, *Geschichte der gotischen Sprache*, Berlin, 1926, стр. 42—44; E. Kieckers, *Handbuch der vergleichenden gotischen Grammatik*, München, 1928, стр. 7—8; H. Krahe, *Historische Laut- und Formenlehre des Gotischen*, Heidelberg, 1948, стр. 26—27, 34—35; W. Krause, *Handbuch des Gotischen*, München, 1953, стр. 62—63.

⁵ V. Pisanì, *La pronunzia di ai, au in Gotico*, «Paideia», anno IV, № 2—3, 1949, стр. 113—120; E. H. Sehart, *Ai und au im Gotischen*, сб. «Fragen und Forschungen im Bereich und Umkreis der germanischen Philologie (Festgabe für T. Frings zum 70. Geburtstag)», Berlin, 1956, стр. 1—11.

⁶ N. Trubetzkoy, *Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme*, TCLP, 1, 1929, стр. 57.

⁷ W. Scherer, *Zur Geschichte der deutschen Sprache*, 2-е Ausg., Berlin, 1878, стр. 202; H. Paul, *Beiträge zur Geschichte der Lautentwicklung und Formenassoziation*, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur» (PBB), Bd. VII, 1879, стр. 157; O. Bremer, *Germanisches e*, PBB, Bd. XI, 1886, стр. 51—76.

⁸ H. Hirt, *Handbuch des Urgermanischen*, Tl. I, Heidelberg, 1931, стр. 39—40; его же, *Indogermanische Grammatik*, Tl. I, Heidelberg, 1927, стр. 116; см. его же, *Vom schleifenden und gestossenen Ton in den indogermanischen Sprachen*, IF, Bd. I, 1892, стр. 203—207; *Zu den germanischen Auslautgesetzen*, IF, Bd. VI, 1896, стр. 58—64; *Grammatische Miscellen*, PBB, Bd. XVIII, 1893, стр. 283—290.

⁹ H. Hirt, *Handbuch des Urgermanischen*, Tl. I, стр. 39. Еще более резко — в другом месте: «Вульфилла, пользовавшийся тремя разными алфавитами, чтобы создать свое письмо, был бы совершенным идиотом, если бы не был в состоянии различить в письме *ai* от *e*, *au* от *o*» (см. «Indogermanische Grammatik», Tl. I, стр. 116).

скому языку и Е. Прокош в «Сравнительной грамматике германских языков»¹ (последний, однако, основываясь на написаниях готских собственных имен у античных писателей, делает оговорку, что это «вопрос хронологический» — см. ниже). К ней присоединились в ряде специальных статей и американские фонологи². Наиболее подробную, хотя и не исчерпывающую аргументацию содержат работы Ф. Моссе, Г. Пенцля и В. Беннета. Все эти ученые исходят из основного аргумента Г. Хирта, справедливо указывая на невозможность таких противоречий в орфографии, которые приписывает Вульфиле традиционная точка зрения. По мнению Г. Пенцля, «нашим наиболее важным свидетельством является внутренняя последовательность орфографии Вульфилы. Иначе мы должны будем предположить, что он намеренно нашел возможным оставить необозначенными такие существенные качественные различия в формах слов, как прош. время *taih* (ед. число) — *taihum* (мн. число) [taih- — tēh-], *táuh* (ед. число) — *taihum* (мн. число) [lauh — tōh-], или в словах типа *af-maimait* [-mē-mait], *ana-aiúik* [-e-aiik], *haihait* [hē-hait] и др., хотя он в то же время тщательно отмечал различия между *i* и *j*, *u* и *w* и сумел приспособить для своих целей знаки, заимствованные из трех различных алфавитов»³.

Случаи двусмысленности «двухвалентной» интерпретации диграфов *ai*, *au*, приведенные Г. Пенцлем, охватывают довольно обширные морфологические группы прошедшего времени широко употребительных сильных глаголов I и II ряда с основой на *-h* (7 глаголов) и редуцирующих с корневым гласным *ái* (7 глаголов). Сюда же относятся случаи, когда перед согласными *r*, *h* стоят не монофтонги, возникшие в результате готского преломления, а старые германские дифтонги *ai*, *au*, сохранившие, согласно «классической» теории, свое дифтонгическое произношение (*ái*, *áu*). Ср. гот. *aih* (наст. время ед. числа 1-го лица) «habe» (от *áigan* «haben», дрнем. *eigan*), но *aihts* (жен. род.) «Eigentum»; *air* «früh», *airus* «Bote», но *airþa* «Erde», *airzeis* «irre»; *gáurs* «traurig», но *baúrgs* «Burg»; *háuhs* «hoch», *áuhuma* «höher», но *aúhsa* «Ochse». Такая путаная орфография вряд ли могла бы с успехом служить тем целям, которые ставил себе епископ Вульфила как «просветитель» готов⁴.

Решающим доказательством в спорах подобного рода Г. Хирт считает способ написания иноязычных слов. В написании греческих и еврейских имен Вульфилы всегда пользуется для греч. *ε* и *ο* принятыми им и в готских словах написаниями *ai*, *au* (*ái*, *áu*). Для первого В. Штрейтберг насчитывает 83, для второго 42 примера⁵. Ср. *Paitrus* (греч. Πέτρος), *Aileisabaiþ* (греч. Ἐλισάβετ), *Lazaraiþ* (греч. Ναζαρέθ), *þaiuþeilus* (греч. Θέωρις), *Saulaumon* (греч. Σαύλων), *Assaum* (греч. Ἀσάμ) и мн. др.

Написание *ai* в значении открытого [e], долгого или краткого, было

¹ См. статью К. Марстрандера в «Norsk tidsskrift för sprogvidenskap», bd. I, Oslo, 1928, стр. 232; J. Wright, Grammar of the Gothic language, Oxford, 1910, стр. 362; F. Mossé, Manuel de la langue gotique, Paris, 1942, стр. 40—44 (2-е éd., Paris, 1956, стр. 45—48); Е. Прокош, A comparative Germanic grammar, Philadelphia, 1939 (русск. перевод: Э. Прокош, Сравнительная грамматика германских языков, М., 1954, стр. 102—103).

² См.: W. G. Moulton, The phonemes of Gothic, «Language», vol. 24, № 1, 1948, стр. 76—86; W. H. Bennett, The monophthongization of Gothic *ai*, *au*, «Language», vol. 25, № 1, 1949, стр. 15—21; H. Penzl, Orthography and phonemes in Wulfila's Gothic, «Journ. of English and Germanic philology», vol. XLIX, № 2, 1950, стр. 207—230; Е. Р. Хамп, Gothic *ai* and *au*, «Modern language notes», vol. LXXI, № 4, 1956, стр. 265—269; е го же, Gothic *ai* and *au* again, «Language», vol. 34, № 3, 1958, стр. 359—363; О. Ф. Джонс, Gothic *ai* in inflectional syllables, «Language», vol. 32, № 4, 1956, стр. 633—640; е го же, Gothic *au* in inflectional syllables, «Language», vol. 34, № 1, 1958, стр. 33—39; е го же, Gothic *iu*, «Language», vol. 34, № 3, 1958, стр. 345—352; J. W. Marchand, [ред. на кн.:] F. Mossé, Manuel de la langue gotique, «Language», vol. 33, № 2, 1957, стр. 231—240.

³ H. Penzl, указ. соч., стр. 230.

⁴ См. также В. М. Жирмунский, История немецкого языка, 4-е изд., М., 1956, стр. 88 (ср. 3-е изд., М., 1948, стр. 114).

⁵ W. Streitberg, указ. соч., §§ 19, 2 и 5.

подсказано Вульфиле позднегреческим произношением дифтонга ai ¹. Написание au в значении открытого $[ɔ]$ соответствовало, вероятно, народнолатинскому произношению дифтонга au ². Вместе с тем оно было подсказано составителю готского алфавита параллелизмом в использовании дифтонгов ai и au в значении монофтонгов для аналогичного типа гласных среднего уровня. В орфографии Вульфилы наличествовал еще и третий диграф — ei для долгого $[i]$ в соответствии с фонетическим значением дифтонга ei в позднегреческом. Ср. греч. εἶδωλον > слав. *идоль* (гот. *steigan* = герм. *stigan «steigen») ³.

Греческий дифтонг au Вульфила транскрибирует aw во избежание смешения с гот. au $[ɔ]$. Ср. гот. *Paulus* (греч. Παῦλος), *Daweid* (греч. Δαυεῖδ) и др. Отсутствие свойственной готскому монофтонгизации дифтонга au > $\bar{ɔ}$ ($ɔ$) в этих заимствованных словах, может быть, объясняется позднегреческим спирантным произношением au > $[aw]$ ⁴. Ср. позднейшие славянские заимствования: *Павълъ* «Павел» и др. В таком случае перед гласным вероятно слогоделение $[da-wid]$ «Давид». Возможно, однако, что в основе этого написания лежит транслитерация, поскольку Вульфила вообще обозначает греч. $υ$ через w (ср. гот. *swanagoge* — греч. συναγωγή «синагога», гот. *Skwþus* — греч. Σκῦθης). Показательна также передача греч. $ω$ через aiw (очевидно, aiw). Ср. гот. *aiwlaugia* — греч. εὐλογία, гот. *aiwaggeli* — греч. εὐαγγέλιον «евангелие». Она также свидетельствует о принятой в орфографии Вульфилы передаче греч. $ε$ = гот. ai (ai).

Написание aj в греческих словах не встречается, поскольку в позднегреческом ai > $\bar{e}$ (e) и обозначается Вульфилей как ai (ai). Ср. гот. *Maþþaius* — греч. Ματθαῖος (слав. *Матвей*), гот. *Farisaieis* — греч. φαρισαῖοι (слав. *фарисеи*).

Написания aw , aj в готских словах (в отличие от ai , au) встречаются только перед гласными. Ср. *hawi* «Heu», *waja-* «weh-» и др. (см. ниже п. 5).

Для чтения готских диграфов ai , au большое значение имеет ряд других фонеморфологических категорий, не укладывающихся в два указанных выше основных типа. Все они говорят о монофтонгическом произношении (ai , au).

1. В редупликации перфекта гот. ai $[ɛ]$ соответствует и.-е. $-e-$. Ср. *haihald* «hielt», *lailot* «liess» и др. (ср. перфект лат. *te-tigi*, греч. λέ-λοιπα и др.). Предполагать здесь дифтонгизацию нет никаких оснований.

2. Открытое краткое e наличествует, по-видимому, в гот. *aiþþau* «oder» (ср. дрсаке. *eddo*, агс. *ēdta*, дрисл. *ēta*), *waila* «wohl» (ср. дрсаке. *wela*, дрвнем. *wela*, агс. *wel*, дрисл. *vel*), *sai* «sieh (da)» (по-видимому, неударная форма от повелит. накл. *saihw* «смотри» — ср. дрвнем. *se* «вот»). Краткое e сохранилось здесь, вероятно, в неударном положении; предположить наличие дифтонга ai нет никаких этимологических оснований. Сюда же, может быть, относится наречие *aufþō* «vielleicht», отмеченное однажды также в форме *uftō* (Мк. XXVII, 64).

3. Написания ai , au встречаются перед гласными (в «зиянии») для обозначения звука, которому в других германских языках соответствует долгий гласный.

Ср. гот. *saiān* «säen» (дрсаке. *sāian*, дрвнем. *sāen*, агс. *sāwan*, дрисл. *sā* < герм. **sē*₁-; лат. *sē-vi*, *sē-men* «Same»; слав. *сѣяти*, *сѣмя*); гот. *waiān* «wehen» (дрвнем. *wāen*, агс. *wāwan* < герм. **wē*₁-; слав. *вѣяти* и др.); гот. *faian* «tadeln» (греч. πῆ-μα «Leid» и др.); ср. также гот. *armaio* (жен. род) «Barmherzigkeit» (от *arms* «arm»); гот. *baiān* «bauen»

¹ См. E. Sturtevant, The pronunciation of Greek and Latin, Philadelphia, 1940, стр. 48—50.

² Там же, стр. 130—132.

³ Там же, стр. 40—41.

⁴ Там же, стр. 54—55.

(дрсакс., агс., дрвнем. *būan*, дрисл. *būa*, дршвед. *bōa*); гот. *traūan* «trauen» (дрсакс. *trūōn*, дрвнем. *trūēn*, дрисл. *trūa*, дршвед. *trōa*); гот. *b-naūan* «zerreiben» (дрвнем. *nūan*, дрисл. *g-nūa*, дршвед. *g-nōa*).

В основе типа *saian* и т. д., по свидетельству всех других германских языков, лежит герм. *ē* (и.-е. *e*). Ср. гот. *manaseþs* «Menschheit» (буквально: «Menschen-saat») — дрвнем. *sāt*, дрисл. *sād*, дрсакс. *sad*, агс. *sād* «Saat». Для объяснения гот. *baūan* и др. следует исходить из дршвед. *bōa*, *trōa*, *-nōa*, в которых герм. *ū* перед гласными регулярно представлено как *ō*: готский язык с точки зрения лингвистической географии исторически связан с восточноскандинавским («гаутским») и является его ответвлением¹. Чтение *aiū* подтверждается написанием греческих слов с *w* перед гласным. Ср. гот. *Traūas* — греч. Τρωάς «Троя», гот. *Naūel* — греч. Νωέ «Ной».

От глагола *saian* встречаются формы со вставным *-j-*: несколько раз *saijiþ* рядом с *saiiþ*, в одном случае также *saijands* (Мк. IV, 14)². Разумеется, это не старый германский дифтонг *ēj*, как полагают некоторые исследователи (со ссылкой на слав. *сѣ* «сею», *вѣж* «вею») ³, а секундарное образование, переходный звук («hiatusfüllender Laut»), который часто появляется в древневерхненемецком в формах *i*, *u* или *h* между ударным гласным основы и неударным гласным окончания в глаголах с зиянием («verba pura»). Ср. дрвнем. *sāan* (*sāen*), *sāian* (*sāien*), *sāwan*, *sāhan* «sāen», также *sāio* «Sāmann»; *wāian* «wehen», *blāian* «blāhen», *bluoian*, *bluohan* «blūhen», *krāwan* «krāhen» и др.⁴; также агс. *sāwan*, *wāwan* и др. Современные диалекты знают много случаев спонтанного развития таких переходных звуков в глаголах этого типа⁵. Приведенными примерами опровергается необоснованное утверждение Г. Якобсона, будто переходный звук *j* может появиться в зиянии только после *i*, а потому *ai* в *saijis*, *saian* и др. должен читаться как дифтонг⁶.

В. Штрейтберг и В. Брауне предполагали наличие в этой позиции широких долгих гласных *ā*, *ā*⁷. Мне представлялось возможным сокращение перед гласным [e, o]. Эту точку зрения в настоящее время убедительно обосновал Е. Зерт со ссылкой на аналогичное фонетическое явление в латинском языке («vocalis antevocalem corrigitur») ⁸: ср. лат. *flō* < *flōb, *deus* < *dēos, *pius* и др. Подтверждением является сокращение в готском других долгих гласных в аналогичной позиции. Ср. гот. *sijau* (оптатив) (дрвнем. *sī*) «sei», *frijōn* «lieben» (дрисл. *frian*, срннем. *vrien* «freien» < и.-е. **pri-*), *frijōnds* «Freund», *frijaþwa* «Freundschaft», *fian* (*fijan*) «hassen» (дрвнем. *fien* < и.-е. *pēi-*); *fiands* (*fijands*) «Feind», *fiaþwa* (*fijaþwa*) «Feindschaft». Ср. ниже п. 4 (тип *staiūa* и др.).

4. Долгое *ō* перед согласным (*j*) чередуется в готском языке с *ai* (мы предполагаем *aiū*) перед гласным. Ср. гот. *taūi* (ср. род.) «дело» — дат. падеж. *tōja*, существит. *ubil-tōjis* «Missetäter» (герм. **tōw-*); гот. *staiūa* (муж. род «судья», жен. род «суд»), *staiūida* (прош. время «судил» — *stōjan* «судить» (дрвнем. *stouwen* «обвинять» из герм. **tōw-*; ср. слав. *ставити*,

¹ См. E. Sch w a r z, *Goten, Nordgermanen, Angelsachsen*, Bonn, 1951, стр. 56—57. Ср. G. Ne c k e l, *Die Verwandtschaften der germanischen Sprachen untereinander*, PBB, Bd. 51, 1927, стр. 3.

² W. Streitberg, указ. соч., § 68, примеч. 1.

³ E. Kieckers, указ. соч., стр. 202—203; W. Krause, указ. соч., стр. 76—77; V. Pisani, указ. соч., стр. 119—120.

⁴ O. Bremer, указ. соч., стр. 51 и сл. Ср. W. Braune, *Althochdeutsche Grammatik*, 8-е Aufl., bearb. v. W. Mitzka, 1955, §§ 110, 117.

⁵ См. В. М. Жирмунский, *Немецкая диалектология*, М.—Л., 1956, стр. 341.

⁶ H. Jacobson, *Zwei Probleme der gotischen Lautgeschichte*, I. *Gotisch saian*, «Zeitschr. für vergleichende Sprachforschung», Bd. XLVII, 1915, стр. 91—92.

⁷ W. Streitberg, указ. соч., §§ 68 и 71; W. Braune, указ. соч., §§ 22 и 26 (иначе К. Хельм: см. W. Braune, указ. соч., 13-е Aufl., bearb. von K. Helm, 1952, стр. 16, 19).

⁸ E. Sehr t, указ. соч., стр. 4—9.

и.-е. *stāy-). Сюда же гот. *af-dau-idaī* «мучимые» (причастие II мн. числа муж. рода от гот. *dōjan; дрисл. *deuja*, дрсакс. *dōjan*, дрвнем. *touwan* «умереть» из герм. *dōw-; ср. слав. *бавити*, и.-е. *dliōy-); *afmaūidaī* «уставшие» (причастие II мн. числа муж. рода от гот. -dōjan; дрвнем. *muoan*, *muojan* «mūheu»); также *saūil* «солнце» (дрисл. *sōl*, ср. лат. *sōl* < *sāyol-, греч. дорич. ἄλιος «Гелиос» < ἄψέλιος, и.-е. *sāyēl).

В основе чередования лежит германский дифтонг *ōu, результатом стяжения которого является гот. *o*, сохранившееся перед согласными; в положении перед гласными В. Штрейтберг и В. Брауне восстанавливали открытое долгое *ā* (*au*)¹; мы предполагаем, как в *baūan*, краткое открытое *o*, согласно общему закону, установленному Э. Зертом.

5. С другой стороны, в готском наличествует чередование *au* перед согласным *j*, *aw* перед гласным. Ср. гот. *taujan* «делать» (срннем. *touwen*, дрвнем. *zouwen*) — прош. время *tawida* (дррунич. *tawido*); *uf-straujan* «streuen» — прош. время *strawida* (дрвнем. *strowwen*, дрсканд. *strōian*); *maujos* (род. падеж ед. числа) — *mawi*, *mawilā* (жен. род.) «Mädchen» (дрисл. *mār*, род. падеж *meyar*, *meyla*; агс. *mēowle*); *hauja* (дат. падеж ед. числа) — *hawī* (ср. род.) «Heu» (дрвнем., дрсканд. *houwi*, дрисл. *hey*); *gaujis* (род. падеж ед. числа) — *gawi* (ср. род.) «Gau» (дрвнем. *gawi*).

Чередование *au* перед согласным, *aw* — перед гласным встречается в готском и в случаях редукции германского неударного гласного в готском языке. Ср. гот. *naus* «Toter» (из герм. *nawiz) — *nauis* (род. падеж); прош. время *snau* (из герм. *snawi) — *snīwan* «eilen» (сильный флогот V ряда). Чередование неслогового -u — w наличествует как общий фонетический закон и после других гласных. Ср. *þius* «слуга» (дррунич. *þiwaR*) — *þiwi* «служанка», *ga-þiwan* «заставить служить»; *triu* «дерево» (ср. род.) (из герм. *trewan), *trīwam* (дат. падеж мн. числа) и др.²

Чередование *au* перед согласным, *aw* — перед гласным рассматривается Г. Пенцлем (со ссылкой на Г. Хирта) как «единственное веское внутреннее доказательство наличия в готском дифтонгического *au*, хотя бы в небольшом числе случаев» (тип *laujan* — прош. время *tawida*)³. Однако взгляд этот основан на неожиданном для фонолога смещении исторического чередования с живым позиционным, активно действующим внутри данной фонетической системы (т. е. диахронии с синхронией). В основе рассматриваемого явления — с точки зрения исторической — действительно лежит фонетически закономерное позиционное чередование, связанное, по-видимому, с различиями слогаделения: дифтонг *au* перед согласным (*tau-jan*) чередуется с *a-||w + vocal* перед гласным (*ta-wida*). В дальнейшем, однако, дифтонг *au* в готском языке времен Вульфилы переходит в этом случае, как и во всех прочих, в открытое долгое *ō* и чередование *au* [ō] — *aw* сохраняется как историческое.

Положение это ясно в особенности на примерах аналогичных чередований *ai* (в нашем чтении *aī*) перед согласным (*i*) и *aj* (перед гласным), которое встречается, как справедливо указал тот же Г. Пенцль, только в случаях словопроизводства — «этимологических» (т. е. исторических), а не «морфонологических»⁴. Ср. *wai* «wehe», *wai-dēdja* «Übeltäter» — *wajamerjan* «lästern»; *aiws* «Ewigkeit», *aiweins* «ewig» — *ajukdūþs* (жен. род.) «Ewigkeit»; *bai* «beide» — *bajōþs* «beide» (ср. дрисл. *bāder* < *bajadīr). С переходом *ai* > *ē* в готском языке Вульфилы живое позиционное чередование *ai* перед согласным *a/||i + vocal* перед гласным заменилось и здесь историческим чередованием *aī* [ē] — *aj*.

¹ W. Streitberg, указ. соч., § 71, I; W. Braune, указ. соч., § 26 (иначе К. Хельм: см. W. Braune, указ. соч., 13-е Aufl., стр. 19).

² W. Krause, указ. соч., стр. 102.

³ Н. Penzl, указ. соч., стр. 229; ср. Н. Hirt, Handbuch des Urgermanischen, I, стр. 40.

⁴ Н. Penzl, указ. соч., стр. 229.

Другое показание по этому вопросу может представить следующее явление. Еще Я. Гримм обратил внимание на фонетическую непоследовательность гот. *taujan* рядом со *stōjan* в одинаковом положении перед согласным (*j*) и привел примеры таких пар, как наст. время 1-го лица *tauja* («*facio*»), наст. время 2-го лица *taujis* («*facis*») от глагола *taujan*, но *tōja* (мн. число ср. рода) «*facta*» от *tauī* (ср. род) «*factum*», *-tōjis* «*factor*» (прилагат. муж. рода)¹. Дж. Марчанд хочет видеть в *taujan* и *stōjan* диалектные дублеты². Однако сравнительно-грамматические исследования пытаются объяснить это различие древними отношениями индоевропейского аблаута: готские формы на *ō* восходят к герм. *ōu (из и.-е. *āu, *ōu*), готские формы на *ai* — к vizшей ступени аблаута герм. *au* (из и.-е. *āu). Ср. гот. *tauja* «*facio*» из герм. *tauīō, но гот. *tōja* «*facta*» из герм. **tōu(i)ō*³.

6. В неударных слогах Г. Хирт предполагает стяжения как результат редукции, указывая на то, что ни один древнегерманский язык не сохранил дифтонгов в заударном положении⁴. В. Штрейтберг также признает вероятность ранней монофтонгизации готских дифтонгов в неударном положении⁵. Полный обзор окончаний с гот. *ai, au* и их соответствий в других германских языках дает О. Джонс в двух специальных исследованиях⁶. Разумеется, там, где в основе окончания лежал германский дифтонг, подвергшийся монофтонгизации в других германских языках, это обстоятельство не может, взятое само по себе, служить доказательством монофтонгизации в готском. Ср., например, дат. падеж ед. числа жен. рода основы на *ō* гот. *gibai*—агс. *gifa* из *gifae* (герм. *-ai* из и.-е. *-aī*); род. падеж ед. числа жен. рода основы на *-i* гот. *anstais*—дрисл. *naufar* из друнич. *-āR* (герм. *-ais* из и.-е. *-ōis*); род. падеж мн. числа прилагат. сильного склон. *blindaizō* — дрсакс. *blindaro*, дрвнем. *blintero*, дрисл. *godra* (из герм. местном. **(ǰ)-aizo(m)* < и.-е. **(t)-oisōm*); опатив наст. времени ед. числа 2-го лица *bairais* — дрвнем. *berēs*, дрсакс. *beres*, дрисл. *berer* (герм. *-ais, -aiz* из и.-е. *-ois*) и т. п. Однако существует ряд других случаев, в которых восстановление германских открытых долгих *ē, ē̄*, непосредственно отраженных в готских монофтонгах *ai, aī*, предложенное Г. Хиртом, дает единственное простое и последовательное объяснение готских грамматических форм.

а) В слабых глаголах III группы типа гот. *haban* — прош. время *habaida*, дрвнем. *habēn* — *habēta* Г. Хирт усматривает непосредственное соответствие между готскими формами на *aī*, древневерхнемецкими на *ē* и латинскими глаголами II спряжения на *ē*. Ср. гот. *habais, habaiþ* — дрвнем. *habēs, habēt* — лат. *habēs, habēt*⁷. Число готских и древневерхнемецких слабых глаголов III группы с прямыми этимологическими соответствиями латинскому и другим индоевропейским языкам довольно значительно. Ср. гот. *þahan* «молчать», дрвнем. *dagēn* (лат. *tacēre*); гот. *witan* «наблюдать», дрвнем. *gi-wiŕŕēn* (лат. *vidēre*, слав. *viděti*); гот. *ana-silan* «умолкнуть» (лат. *silēre*); гот. *munan*, дрвнем. *manēn* (лат. *monēre*, слав. *mněti* «мнить») и некоторые другие⁸.

б) Готские окончания ед. числа 1-го лица и мн. числа 3-го лица на *-ai*, встречающиеся в ряде глагольных форм, Г. Хирт объясняет регулярным соответствием и.-е. *-ēm, -ām* > герм. гот. *aī*. Ср.:

¹ J. Grimm, указ. соч., стр. 74.

² J. W. Marchand, указ. соч., стр. 234—235. Ср. J. W. Marchand, *Dialect characteristics in our Gothic mss.*, «*Orbis*», 5, 1956, стр. 141—151.

³ См. E. Kiesker, указ. соч., стр. 44. Ср. W. Krause, указ. соч., стр. 77 (со знаком вопроса).

⁴ H. Hirt, *Urgermanische Grammatik*, I, стр. 39.

⁵ W. Streitberg, указ. соч., §§ 34, 7, примеч. 3.

⁶ O. F. Jones, *Gothic ai in inflectional syllables*, стр. 639; е го же, *Gothic au in inflectional syllables*, стр. 34.

⁷ H. Hirt, *Urgermanische Grammatik*, II, стр. 180. Ср. также его статью в РВВ, Bd. XVIII, стр. 283—290.

⁸ См. H. Hirt, *Urgermanische Grammatik*, II, стр. 171—172.

Повелит. накл. 3-го лица ед. числа *baíradaū*, мн. число *baírandaū* — ср. греч. φερέτω, φερόντω, лат. *agito, agunto*, санскр. медиум *bharatām, bhārantām* (из и.-е. *-ōm*).

Оптатив медиопассива 1-го, 3-го лица ед. числа *nimaidaū*, мн. число *nimaindaū* — ср. санскр. медиум *bhāvatām, bhāvantām*, греч. φερούμαι (из и.-е. *-ām*).

Наст. время оптатива 1-го лица гот. *wiljaū* — слав. *велж* (из и.-е. **veljām*).

Наст. время оптатива 1-го лица гот. *baíraū* < **berōm* (Г. Хирт считает возможным сопоставление этой формы с греч. ἀφελδῶν [оптатив (?)], в более ранних работах — с латинским конъюнктивом (*feram, ferre*)¹).

Различные объяснения, исходящие от дифтонгического *ai, au*, значительно более сложны и искусственны и представляются поэтому малоубедительными. Типична в этом смысле теория, выдвинутая Бругманом и защищаемая многими сторонниками готских дифтонгов, которая объясняет окончание *-ái* как индоевропейский индикатив с добавлением модальной частицы *-u* (гот. *baíráu* < и.-е. **bherō-u*)². Как справедливо замечает Г. Хирт, «частица *-u* обычно появляется там, где объяснение отсутствует»³.

О. Джонс сопоставляет гот. *ahtaū* «acht» (дрвнем. *ahto*, дрисл. *atta*, агс. *eahta*) с греч. ἄχτω, в котором и.-е. *-ō* является вариантом *-ōy* (ср. санскр. *aṣṭāy, aṣṭā*). Сюда может быть отнесено и гот. *aiþþaū* «oder» (дрвнем., дрсакс. *eddo*, дрисл. *eda*, агс. *edda*), на которое было указано выше⁴.

Таким образом, монофтонги *ai, au* встречались в готском языке Вульфилы не только перед *h, r* в случаях готского преломления, но также в ряде других случаев, а именно — в корневых морфемах (пп. 1—3), во флексиях (п. 6 — а, б), а также там, где монофтонг наличествовал уже в германском (индоевропейском) или может считаться доказанным для готского (п. 4). Учитывая единство и последовательность орфографии Вульфилы в целом, и в частности в написаниях иноязычных слов, следует признать, что и в тех случаях, где в основе готских диграфов лежали германские дифтонги *ai, au*, засвидетельствованные этимологически, они в вестготском языке Вульфилы подверглись монофтонгизации. Например: *stains* «Stein», *wait* «weiss»; *aíso* «Ohr», *laún* «Lohn»; *gibaí* «Gibe» (дат. падеж ед. числа), *blindaizo* (прилагат. жен. рода, род. пад. мн. числа), *baírāis* (оптатив наст. времени ед. числа 2-го лица), или, возвращаясь к приведенным выше примерам: *gaúrs* как *baúrgs*, *aúhuma* как *aúhsa*, прош. время *taih* (ед. число) как *taihum* (мн. число), *taúh* (ед. число) как *taúhum* (мн. число); *maimait* (прош. время, редупл. глагол) и др.

Характерно, что возражения против этого простейшего разрешения искусственно созданной проблемы произношения готских диграфов *ai, au* исходили по преимуществу из лагеря специалистов по сравнительно-историческому языкознанию (В. Штрейтберг, М. Еллинек, Э. Кикерс, В. Краузе, Г. Краз и др.), которые, опираясь на соображения в сущности этимологического порядка, тем самым смешивали историко-генетическую (диахронную) точку зрения с показаниями самого готского языка, рассматриваемого в синхронном разрезе. Неслучайно поэтому, что для обоснования своей точки зрения они вынуждены были прибегать к очень сложным и искусственным сравнительно-грамматическим построениям, кото-

¹ Н. H i r t, указ. соч., I, стр. 135—136; II, стр. 135, 184—187. Ср. его же статьи, IF: Bd. I, стр. 206 и сл.; Bd. VI, стр. 58 и сл.

² Обзор теорий дается в работе: М. J e l l i n e k, Beiträge zur Erklärung der germanischen Flexion, Berlin, 1891, стр. 94—105. Ср. К. B r u g m a n n, В. D e l b r ü c k, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. II, Strassburg, 1893, § 444; Е. K i e s k e r s, указ. соч., стр. 192; W. K r a u z e, указ. соч., стр. 213.

³ IF, Bd. II, 1896, стр. 59.

⁴ О. F. J o n e s, Gothic *au* in inflectional syllables, стр. 35—36.

рые Ф. Моссе справедливо назвал «нагромождением неправдоподобных гипотез»¹.

Не может считаться доказательным и критерий, в свое время применявшийся Ф. Дитрихом: написание готских имен через *ai, au* у античных писателей. Как показало гораздо более полное собрание М. Шёнфельда, написание эти в ряде случаев колеблются. Ср., например, имя короля вандалов (V—VI вв.): *Gaisericus, Geisericus, Gesericus, Gisericus, Gizericus, Γεζέρικος, Γιζέρικος* и даже с народной этимологией: *Gensericus, Ginsericus, Γινζέρικος* и т. п.².

Существенную роль в этих колебаниях играла не только фонетика, но еще более — традиция письма, которая должна была, как правильно указал О. Бремер, опираться в ряде случаев и на готскую орфографию, восходящую к Вульфиле³. Тем не менее после Вульфилы в ряде примеров бесспорно засвидетельствовано стяжение. Так, слово *Austrogothi* «остготы» с конца IV в. регулярно пишется *Ostrogothi*⁴; свидетельством того же явления могут служить формы *froja armes* «domine miserare» (гот. *frauja armais*) в латинской рукописи Вигилия из Тапса (конец V в.) и транслитерация *libeda* вместо традиционного *libaida* (прош. время слабого глагола III группы) в более поздней Зальцбургской рукописи, принадлежавшей Алкуину (IX в.), с пояснением «diphthongon *ai* pro *e* longa» («дифтонг *ai* для долгого *e*»). С другой стороны, готская руническая надпись на кольце из Петроассы (Румыния), содержащая слово *hailag*, хотя и независима в своей орфографии от Вульфилы, однако относится к более раннему времени (III в.)⁵.

Для остготского языка VI в. Ф. Вреде установил монофтонгизацию на основании написания собственных имен: *Gesimund, Gesila* (<*gaiza = дрвнем. *ger* «копье»); *Odwın* (<*Audwın), *Oswın* (<*Auswın), *Goda* (<*Gauda) и мн. др.⁶. В крымско-готских словах, записанных нидерландцем Бусбеком (XVI в.), герм. *au* отражено как *oe* (диграф, обозначающий в нидерландском долгое *ō*). Ср. *broe* «ранис» (дрисл. *braud*, нем. *brōd*), *hoef* «сарул» (гот. *haubiþ*), *oeghene* «осули» (гот. *augōna*); на монофтонгизацию *ai* указывают *iel rheil* (гот. *hail*) и *ieltsch* (вероятно, гот. *hailþa*)⁷. Указания романистов, в особенности Э. Гамильшега, на сохранение дифтонгов в готских заимствованиях в южнороманских языках [например, прованс. *raus* «тростник» <гот. *raus* «Rohr», исп. *gaita* «волынка» <гот. *gaitis* «Geiss» («коза») и некоторые другие]⁸ не имеют, по-видимому, решающего значения: примеры обнаруживают колебания, свидетельствующие, вероятно, о диалектных различиях в самом готском языке⁹.

Что касается вестготского диалекта самого Вульфилы как предполагаемой основы его орфографии, то здесь решающим, как справедливо указал Э. Прокош, в сущности является «вопрос хронологии»: «незадолго до Вульфилы герм. *ai, au* были еще дифтонгами в готском..., вскоре после Вульфилы они монофтонгировались»¹⁰. Вульфила стоит, таким образом, на рубеже этих двух периодов. При таких условиях нет оснований, в свете

¹ F. Mossé, указ. соч., изд. 2-е, стр. 47.

² Ср. M. Schönfeld, Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen, Heidelberg, 1911, стр. 99—100.

³ O. Bremer, указ. соч., стр. 53. О. Бремер приводит вестготское имя *Friedebadus* (VII в.) с готским написанием *ei* вместо *i*.

⁴ M. Schönfeld, указ. соч., стр. 38.

⁵ W. Streitberg, указ. соч., §§ 15, 34, 7.

⁶ F. Wrede, Ostgoten, стр. 165 (выводы).

⁷ См. W. Streitberg, указ. соч., Anhang III.

⁸ См. W. Meyer-Lübke, Romanische Namenstudien, «Sitzungsberichte der Wiener Akademie», Bd. CXLIV, 1905, стр. 1 и сл., 99 и сл.; E. Gamillscheg, Romania germanica, Bd. II, Berlin, 1935, стр. 33 и сл.; его же, Historia lingüística de los visigodos, «Revista de filología española», t. XIX, 1932, стр. 149 и сл.

⁹ См. H. Penzl, указ. соч., стр. 228—229; P. Hamp, указ. соч., стр. 267—269.

¹⁰ Э. Прокош, указ. соч., стр. 103.

приведенных фактов, приписывать ему создание внутренне противоречивой орфографии; напротив, есть все основания думать, что в его диалекте монофтонгизация уже совершилась.

Фонетическое и фонологическое значение гот. *ai*, *au* определяется на основании следующих соображений. В системе готского вокализма налиествовали долгие *ē*, *ō* (*létan classen*», *sokjan* «suchen»), закрытый характер которых обнаруживается, если учесть достаточно частые смешения с долгими *i* (гот. *ei*), *u*¹. Как правильно указывает Ф. Моссе, следующий в этом за Г. Хиртом, этим закрытым звукам противопоставляются гот. *ai*, *au* как открытые *e*, *o*, в одних случаях долгие, в других краткие².

Долгий характер сохраняют стяженные герм. *ai*, *au* > гот. *ē*. *ō*. Свидетельством долготы этих гласных является стяжение последующего неодарного *ji* > *ei* [i:] по общему закону готской фонетики, установленному Э. Сиверсом. Поэтому *hauſjan* «hören» — *hauſeiþ* (наст. время ед. числа 3-го лица), *hauhjan* «erhöhen» — *hauheiþ*; *laisjan* «lehrer» — *laiseiþ*, *hraiſjan* «reinen» — *hraiſneiþ* и т. д. по типу *sokjan* — *sōkeis*, *sōkeiþ*; *hwaiteis* «Weizen» (основа на *-j*, муж. род) как *hairdeis* «Hirte» и т. п.

Гласные *ai*, *au* явились результатом расширения («преломления») кратких герм. *i* — *e*, *u* перед *r*, *h* (*baúrſg*, *raihſ*). Поэтому есть все основания думать, что они остались краткими; они должны были также иметь открытый характер *e*, *o*, поскольку закрытые гласные среднего уровня объединились в готском языке в *i*, *u*. К кратким (открытым) должны быть также отнесены гласные *ai* в редупликации (п. 1) и в группе малоударных слов (п. 2), поскольку и они не объединились с закрытым *e* > *i*, а также все случаи сокращения в положении перед гласными (по закону Э. Зерта, п. 3—4).

При этом имеются достаточные основания и для того, чтобы рассматривать открытые долгие и краткие гласные среднего уровня как самостоятельные фонемы, поскольку в двух основных группах случаев долготы или краткости *e*, *o* не определяется позиционно. В этом смысле особенно показательны приведенные выше случаи перед *h*, *r*: *air* «früh», *airizans* «Vorfahren» [ǣ], но *airzeis* «irre» [e], *hauhs* «hoch», *hauhjan* «erhöhen» [ō] (ср. наст. время ед. числа 3-го лица *hauheiþ*), но *auhsa* «Ochse» [o] и т. п.

Отрицание фонологического значения долготы и краткости готских гласных и признание «релевантным» признаком только закрытости и открытости стало за последнее время своего рода догматом американских германистов-фонологов³. Утверждение это само по себе мало вероятно уже потому, что, в связи с особенностями ударения, во всех германских языках различия долготы и краткости имеют решающее значение в развитии их вокализма. Но и по отношению к готскому языку в частности, поскольку количественные различия имеют в нем явно не обусловленный характер, для подобного предположения нет, мне кажется, никакого основания, кроме желания уложить готский вокализм в абстрактную схему симметрично построенных треугольников⁴. Однако, как хорошо известно, асимметричные фонологические системы встречаются на практике довольно часто.

¹ О тенденции готского вокализма к сужению гласных среднего уровня (долгих и кратких) см. В. Ж и р м у н с к и й, Сравнительно-историческая грамматика и диалектология, «Материалы Первой научной сессии по вопросам германского языковедения», Ин-т языковедения АН СССР, М., 1959, стр. 16.

² F. M o s s e, указ. соч., стр. 40. По мнению Г. Хирта («Indogermanische Grammatik», I, стр. 116), «...*ai* и *au* — повсюду монофтонги, которые могли быть долгими или краткими, поскольку количество гласного не обозначалось в латинском и греческом алфавитах, послуживших для Вульфилы образцами».

³ Ср. Р. Н а m p, Gothic *ai* and *au*, стр. 265; е г о ж е, Gothic *ai* and *au* again, стр. 359; J. W. М а г с h a n d, указ. соч., стр. 236. Иначе у В. Беннега и Г. Пендла, которые следовали в этом вопросе за Г. Хиртом и Ф. Моссе.

⁴ Особенно произвольный и искусственный характер имеют фонологические схемы готского вокализма, предлагаемые О. Ф. Джонсом (см. «Gothic *iu*», стр. 357) и П. Хэмпом (см. «Gothic *ai* and *au* again», стр. 360—363).

Вряд ли можно также без всяких оговорок выдвигать в защиту этой теории утверждение Г. Пенцля относительно «фонологического» характера алфавита Вульфилы, в особенности в наивно упрощенной формулировке Дж. Марчанда: «Либо алфавит Вульфилы фонологический, либо не фонологический»¹. Все алфавиты, созданные заново, если бы они создавались на пустом месте, были бы фонологическими в том смысле, что буквы обозначали бы фонемы как смысловоразличительные звуковые типы (термин Л. В. Щербы), а не оттенки фонем, механически обусловленные положением звука и не осознаваемые ни говорящими, ни слушающими. Однако алфавиты никогда не создаются на пустом месте; они обычно примыкают к традиции другого, более раннего письма, а алфавит Вульфилы и его орфография создавались, как известно, с использованием трех предшествующих — греческого, латинского и рунического. Кроме того, не будучи ученым-специалистом в области фонологии, создатель нового алфавита в своем «стихийном фонологизме» мог натолкнуться на те или иные объективные трудности технического характера в обозначении или даже в различении как фонем, так и их оттенков. Из алфавитов, которыми пользовался Вульфила, латинский и рунический не различали долготы и краткости особыми знаками. В позднегреческом исконно долгие и краткие продолжали писаться различными буквами. Однако, в связи с заменой мелодической интонации силовым ударением, они в произношении ко времени Вульфилы уже переставали различаться по долготе². Эти объективные трудности отразились и на орфографии Вульфилы. Если он обозначает особым знаком только долгое $\bar{i}$ (греч. $\epsilon\bar{i}$) в отличие от краткого i , то не потому, что только эти звуки различались в его произношении по количеству, а потому, что только они, как правильно указывает Г. Хирт³, обозначались разными знаками в его греческих образцах. Иными словами, неразличение долгих и кратких в тексте Вульфилы — явление орфографическое, а не фонологическое.

В качестве аналогии подобным написаниям Ф. Моссе приводит французское *ai*, которое может обозначать как долгое, так и краткое открытое e ⁴. Ср. *laid* [lɛ] и *laide* [lɛd]. Со сходным явлением мы имеем дело, по-видимому, и при употреблении готских диграфов.

Приложение

Когда статья эта уже была написана, проф. С. Д. Кацнельсон любезно обратил мое внимание на лекции по готскому языку, читанные акад. Ф. Ф. Фортунатовым в Московском университете в 1889—1890 гг. и сохранившиеся в архиве Академии наук СССР в записи его ученика проф. В. К. Поржезинского — в то время студента университета⁵. Запись эта показывает, что независимо от Г. Хирта и раньше его русский ученый самостоятельно пришел к тем же правильным выводам относительно произношения готских диграфов. Приводим его рассуждения, не потерявшие значения и для современности:

«Н а п и с а н и е *ai*. Это написание обозначает, как я думаю, всегда звук *e* открытое, т. е. *e* близкое к *a*, как краткое, так и долгое. Такое зна-

¹ J. W. Marchand, указ. соч., стр. 236.

² E. Sturtevant, указ. соч., стр. 104—105.

³ H. Hirt, *Indogermanische Grammatik*, I, стр. 116.

⁴ F. Mossé, указ. соч., стр. 40.

⁵ Фонд 90, опись 1, № 50.—Курс Ф. Ф. Фортунатова «Готский язык» сохранился в двух тетрадах. Тетрадь I (лл. 1—70) содержит запись 30-ти лекций (историческая фонетика и начало исторической морфологии), переписанную начисто, с карандашными поправками, которые внесены в окончательный текст, содержащийся в тетради II (лл. 74—105: только 7 первых лекций — начало фонетики). В ту же тетрадь II вошли черновые выписки и наброски к лекциям, сделанные рукой самого Ф. Ф. Фортунатова (лл. 106—121).

чение видно из того, что в греч. словах у Ульфила это написание передает греч. ϵ , а также и греч. α , которое в ту эпоху звучало уже как e открытое. Мы увидим, что ai в значении $\bar{e}$ в большинстве случаев произошло из дифт. ai , и некоторые лингвисты думают, что написание ai выражает в таких случаях дифтонги. Основанием для такого заключения служит главным образом то, что в готских собственных именах у латинских писателей в этих случаях употребляется написание ai или ei . Как скоро, однако, мы примем во внимание то, что в готских текстах то же написание передает греческое e , выражавшееся буквою ϵ , и греческое $\bar{e}$, существовавшее уже тогда из дифт. ai ; то, что тем же написанием ai выражался готский краткий звук, который получался из $\bar{i}$ при известном фонетическом положении; то, что написание ai , где выражает долгий звук, в некоторых случаях выражает такой долгий звук, который мог не быть дифтонгом; если мы примем все это во внимание, то все это, я думаю, устраняет возможность предположения, что в этом написании ai у Ульфила передается не только гласная e , но и дифт. ai . Написание ai у Ульфила передает $\bar{e}$, имевшее различное происхождение, и $\bar{e}$, между прочим, и из дифт. ai [тетрадь I; т. е. надо думать, что в эту эпоху Ульфила в его наречии бывший дифтонг ai уже обратился в $\bar{e}$ открытое и, значит, по качеству, совпал с $\bar{e}$: различие в количестве гласных у Ульфила вообще не обозначалось — *зачеркнутой*]. Возможно, что в некоторых наречиях готского яз. старый дифт. ai сохранялся в виде дифт., но в наречии Ульфила он уже изменился в $\bar{e}$, и таким образом объясняется то, что латинские писатели готские собственные имена писали через ai , ei , там, где Ульфила тоже писал ai , обозначавшее не дифтонг ai , а долгое e . То, что говорится в последнем издании книги Stamm и Heine¹ относительно этого написания, именно о его произношении, не имеет научного значения» (тетрадь II, лл. 79 об.— 8; ср. тетрадь I, лл. 6—7).

Сходным образом построен следующий параграф, посвященный «написанию au », из которого приводим наиболее существенное для настоящей темы:

«Написание au обозначает, как я думаю, везде открытое o , краткое и долгое, и является, следовательно, аналогичным с написанием ai для обозначения e открытого, краткого и долгого. В греческих словах у Ульфила через au передается обыкновенное греч. o ... Готское долгое o , переданное в текстах через au , в большинстве случаев получилось из дифт. au , и некоторые ученые думают, что в таких случаях написание au обозначает не o , но дифтонг au , и основанием для такого заключения служит главным образом то, что латинские писатели в готских собственных именах пишут тут au . Соображения, аналогичные тем, которые применяются, как мы видели, к написанию ai , применяются и тут и исключают возможность видеть в написании au не только обозначение звука o , но и дифт. au . Как дифт. ai обратился в наречии Ульфила в $\bar{e}$ открытое, но, может быть, сохранялся в других диалектах, так и дифтонг au , обратившись в наречии Ульфила в $\bar{o}$ открытое, сохранялся, может быть, в других наречиях...» (тетрадь II, лл. 79 об.— 8, ср. тетрадь I, лл. 6—7).

¹ Подразумевается издание текста Вульфила с грамматикой и словарем: F. L. Stamm — M. Heine, Ulfilas, 6-e Aufl., Paderborn, 1874.